

НА РУБЕЖЕ XX И XXI ВЕКОВ. ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ЗАРУБЕЖЬЕ

Н.Г. Голант

ЗАМЕТКИ О СЕМЕЙНОЙ ОБРЯДНОСТИ ЕВРЕЕВ СЕВЕРА МОЛДОВЫ

Данная статья основана на полевых материалах, собранных в 2011 и 2012 гг. в населенных пунктах северной части Республики Молдова — Бельцах, Бричанах, Сороках, Скулянах и Унгенах. Экспедиции были организованы Центром научных работников и преподавателей иудаики «Сэфер».

В ряде интервью, в частности в тех, что были посвящены семейной обрядности местных евреев, можно увидеть элементы взаимопроникновения еврейских и молдавских традиций. Так, в некоторых интервью упоминается тот факт, что человек, который дает ребенку имя, обозначается у местных евреев термином «нанашка»¹, которым молдаване в данной местности называют крестного и посаженного отца и крестную и посаженную мать. Например,

¹ «Нанашка» — термин, который местные молдаване, а также представители других этносов употребляют в отношении крестного или посаженного отца и крестной или посаженной матери. Молдаване, насколько удалось понять автору статьи, употребляют этот термин, когда говорят по-русски (видимо, искаженное *nănășică* — диминутив от *nănășă*), тогда как, говоря на родном языке, называют крестного/посаженного отца *nănăș*, а крестную/посаженную мать — *nănășă*, *nănășică*. Рум. термины *nănaș*, *naș* являются производными от *nun*. Все они обозначают крестного или посаженного отца [Dicționarul explicativ 1998: 672, 669, 703].

одна из жительниц г. Бельцы рассказала о том, что назвала дочь своего двоюродного племянника в честь своей покойной «братовки» (жены брата) — желанием увековечить ее имя и было продиктовано участие информанта в этом обряде². По ее словам, человек, который дает ребенку имя (т.е. договаривается с его родителями о том, что хочет назвать ребенка в честь кого-либо из своих умерших близких), присутствует в синагоге на обряде имянаречения, устраивает там же угощение в честь этого события (угощение обычно состоит из спиртного — водки — и сладостей — бисквитов и т.д.) и дарит подарки новорожденному (информант Ц.Я. Фурман). Мальчикам, как правило, давали имя при обрезании. Новорожденная девочка на обряде своего имянаречения не присутствует. По словам другого жителя Бельц Е.Я. Вайнштейна, «нанашка» (мужчина) должен держать ребенка во время обрезания. По словам этого информанта, это должен быть тот человек, который вел под хулу (брачный балдахин) родителей ребенка³.

Также необходимо упомянуть тот факт, что местные православные нередко приглашают евреев быть крестными своих детей (нужно отметить, что у молдаван, проживающих в этом регионе, принято приглашать на крестины не одного, а нескольких крестных, так что в этом случае еврей, как правило, не является единственным крестным). К.И. Вельтман, главный врач больницы г. Бричаны, в интервью в августе 2011 г. рассказавшая о том, что является крестной матерью одиннадцати детей из православных семей (сама, естественно, не будучи православной), насколько нам удалось понять, объясняет данный факт своим высоким социальным статусом и тем, что многие семьи хотят «породниться» с ней [Голант 2012: 98–103]. Однако в интервью, взятых в 2012 г., встречалось другое объяснение приглашения евреев в качестве крестных. Так, одна из жительниц г. Бельцы рассказала, что однажды получила приглашение от коллеги по работе быть «нанашкой» на крестинах ее ребенка. Информант спросила у своей матери, что та думает по этому поводу, и мать посоветовала ей преподнести ребенку такие же подарки, какие должны преподнести другие «нанашки», или даже больше, но не участвовать в самом обряде. Коллега отказалась, сказав, что звала ее не ради подарков, а просто хотела, чтобы кто-то

² Согласно еврейской традиции, весьма желательным считается, чтобы в честь каждого умершего был назван какой-либо ребенок. Некоторые из опрошенных говорили, что когда ребенок назван именем покойного (или именем, начинающимся на ту же букву), черепки, которыми были прикрыты глаза покойного, спадают.

³ Под хулу новобрачных ведут родители — в том случае, если они оба живы и состоят в первом браке. Если эти условия соблюсти невозможно, эту обязанность выполняют посаженные родители — *интерфирн* — также супружеская пара, состоящая в первом браке.

из крестных ее ребенка был евреем, потому что в этом случае у ребенка будет «сильный ангел». Уже упоминавшаяся Ц.Я. Фурман рассказала о дочери своих знакомых (православных), у которой среди «нанашек» была еврейская супружеская пара и которая, когда выросла, удачно вышла замуж, несмотря на то что у нее было бельмо на глазу. Эта молодая женщина, по словам информанта, говорила о себе следующее: «Живу хорошо — нанашки были евреи».

По словам Ц.Я. Фурман, на предложение стать чьим-либо крестным нельзя отвечать отказом (это утверждение согласуется с молдавской и румынской традициями, в которой приглашение в крестные является большой честью, а отказ от него — оскорблением). Все информанты, в интервью с которыми затрагивался этот вопрос, утверждали, что священники не имеют ничего против участия евреев в обряде крещения. Обычай приглашать евреев быть крестными у детей из православных семей, мотивированный представлениями о том, что в этом случае у ребенка будет «сильный ангел» или ему будет сопутствовать удача, перекликается с распространенным у балканских народов обычаем находить для ребенка из семьи, в которой «не держались» дети, «нового» крестного, каковым мог оказаться и иноверец (с этой целью ребенка оставляли на перекрестке, и человек, который первым находил его, становился его крестным) [см., напр.: Генчев 1974: 265–300]. Однако, согласно сведениям, приведенным в процитированной выше работе, в том случае, если человеком, нашедшим ребенка, оказывался иноверец, во время обряда крещения в церкви его замещал другой человек, хотя крестным считался именно он [Там же].

Встречалась также информация о том, что в 40-е годы XX в. повитухи-еврейки принимали роды у рожениц-неевреек и наоборот. Так, Ц.Я. Фурман сообщила, что в ее родном селе (с. Сербешты Флорештского р-на) роды у всех, в том числе у евреек, принимала повитуха-молдаванка. При первом купании младенца она всегда добавляла в воду для купания святую воду, даже если это был ребенок из еврейской семьи. По словам информанта, родители ребенка и другие родственники знали об этом и не возражали.

Некоторые запреты, которые должны соблюдать окружающие по отношению к роженице и новорожденному, у местных евреев также идентичны существующим у восточнороманских, славянских и других народов — это, в частности, запрет на посещение дома, где находится новорожденный, женщинами в период менструаций [см., напр.: Агапкина 2004: 241–245]. По утверждению Ц.Я. Фурман, приход женщины с менструацией в дом, где находится новорожденный, мог привести к появлению у последнего сыпи и чирьев. На случай, если в дом все-таки придет с визитом женщина с менструацией, под люльку ставили баночку с кремом. Аналогичное представление о том, что визит «нечистой» женщины провоцирует появление у ребенка прыщей и чирьев, распространено, в частности, у румын [см., напр.: Голант, Плотникова 2012: 365–427].

Влияние окружающего населения на свадебную обрядность местных евреев также выразилось и в терминологии, и в некоторых деталях самих обрядов. Так, жительница г. Сороки С. Тульчинская, рассказывая о своей помолвке, употребляла термин *зарученье*, а термин *тноим* вспомнила лишь после подсказки собирателей. По словам одного из жителей Бельца, Л. Ходака, среди поварих, которые готовили свадебное застолье на его свадьбу (70-е годы XX в., свадьба была традиционной, на нее приезжал раввин с Украины, ставили хупу и т.д.), была молдаванка. Ее хорошо знали в городе и часто приглашали готовить для «еврейских» свадеб. При этом пища все равно считалась кошерной, если хотя бы одна из поварих была еврейкой.

Погребальная обрядность молдавских евреев также подверглась определенным изменениям под влиянием окружающего населения. В частности, на обычаи евреев, связанные с погребально-поминальной обрядностью, по-видимому, оказал влияние обычай молдаван раздавать *поману* (*pománă*) (этот термин славянского происхождения употребляется в значении «поминальный дар» или «поминальная милостыня», а также «поминальная трапеза») [Dicționarul explicativ 1998: 822]. Так, в наши дни принято после похорон подносить присутствующим на кладбище водку и бутерброды, хотя в прошлом есть и пить на кладбище считалось недопустимым. Также некоторые из опрошенных женщин упоминали о том, что в годовщину смерти своих родственников не только приносят водку и сладости в синагогу, но и раздают сладости и напитки (водку, сок) соседям-нееврейцам (интервью с Ц.Я. Фурман, август 2012 г.). Впрочем, частичное усвоение евреями обычая раздавать *поману* за умерших не мешает местным молдаванам и украинцам говорить: «Хорошо евреям — у них похороны дешевые» (интервью с И.В. Гортолум, учителем истории, г. Бельцы). Также многие информанты-евреи говорили, что берут *поману* у соседей-неевреев, когда те раздают ее за упокой умерших родственников.

Кроме того, в настоящее время у евреев фиксируется обычай класть в гроб некоторые личные вещи покойного, что также, по-видимому, свидетельствует о влиянии обычаев окружающего населения. Так, С. Тульчинская рассказала, что ее мать перед смертью попросила положить ей в гроб расческу и две пары очков, а также инструменты для кройки и шитья — ножницы, иголку и нитки (мать информанта была портнихой). По словам информанта, она положила в гроб матери только одну пару очков, т.к. вторую одна из соседок очень просила отдать ей. Однако вскоре после похорон покойная мать стала являться во сне и к своей дочери, и к соседке, забравшей очки, и требовать их вернуть. После этого соседка закопала очки в изножье могилы, и покойная перестала являться им во сне. На вопрос о том, насколько широко распространен обычай помещать в гроб личные вещи, информант ответила: «Сейчас и христиане кладут в гроб расческу и очки». По словам того же ин-

форманта, в прошлом женщин часто хоронили в украшениях, однако теперь этот обычай ушел. Жители Сорок рассказывали, что при строительстве одной из городских школ на старом еврейском кладбище (во второй половине XX в.) в котловане находили золотые цепочки. В то же время, по словам других информантов (И.В. Гортолум, украинки, и В. Берзоя, сторожа еврейского кладбища из Бричан, молдаванина), у евреев не было обычая помещать в гроб ценные вещи, поэтому имевшие место в недалеком прошлом попытки раскапывать могилы на еврейских кладбищах с целью обнаружения кладов не имели смысла.

Обычай хоронить покойников без гроба, положив на доски и сверху также прикрыв досками и засыпав землей, который еще встречался у местных евреев в первой половине XX в., в настоящее время полностью исчез. Однако некоторые информанты-евреи упоминали о том, что гроб изготавливается с отверстием в нижней части (информант Л.Г. Добрыш, с. Скуляны Унгенского р-на).

На еврейском кладбище в Бельцах удалось увидеть несколько крестов. По словам информантов, могилы с крестами принадлежат православным, состоявшим в браке с евреями и пожелавшим упокоиться рядом с ними.

В связи с темой еврейских кладбищ можно упомянуть также тот факт, что дети, живущие рядом с еврейским кладбищем в Бельцах, на Масленицу скатывают с холмов, находящихся на территории кладбища, горящие автомобильные колеса, из-за чего нередко страдают надгробия. И.В. Гортолум, рассказавшая об этом, характеризует такие действия как вандализм. По ее словам, именно из-за этого большинство современных надгробий обнесено оградами. Присутствовавший при этом разговоре кишиневский художник М. Бруня, уроженец Орхее, сказал, что в Орхее во времена его детства практиковался тот же обычай, и добавил, что причиной выбора местом его исполнения именно еврейских кладбищ является то, что они, как правило, располагаются на возвышенности, а не стремление осквернить могилы иноверцев.

В данной статье речь шла преимущественно о влиянии обычаев молдаван и других народов, проживающих в рассматриваемом регионе, на семейную обрядность местных евреев. Однако отделить изначальные черты того или иного обряда от привнесенных при условии многовекового проживания евреев в условиях иноэтничного окружения, по-видимому, в принципе не представляется возможным.

Библиография

Агапкина Т.А. Месячные // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого. М., 2004. Т. 3. С. 241–245.

Генчев С. Семейни обичаи и обреди // Добруджа. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София, 1974. С. 265–300.

Голант Н.Г. Заметки об экспедиции к молдавским евреям // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2011 г. СПб., 2012. С. 98–103.

Голант Н.Г., Плотникова А.А. Этнолингвистические материалы из Мунтении (округ Бузэу, села коммун Мерей, Мынзэлезть, Пьетроаселе, Скорцоаса) // Карпато-балканский диалектный ландшафт: язык и культура. 2009–2011. М., 2012. Вып. 2. С. 365–427.

Dicționarul explicativ al limbii române. București, 1998.

Рис. 1–4. Еврейское кладбище. Г. Бельцы. Фото автора

Рис. 5. Кресты на еврейском кладбище. Г. Бельцы. Фото автора

Рис. 6–7. Синагога. Г. Бельцы. Фото автора